

*В. Буяновская, А. Васильева, К. Григорьева,
Е. Какурникова, Ю. Коновалова, О. Лекманов,
Т. Лукашевский, А. Матюшенко, А. Новикова,
Н. Талипова, П. Успенский, Р. Хусяинова, М. Юшина*

*Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики, Москва*

СТИХОТВОРЕНИЯ В. МАЯКОВСКОГО 1920-х ГОДОВ: ДОПОЛНЕНИЯ К КОММЕНТАРИЮ

У этой статьи ни много, ни мало — тринадцать авторов, что, разумеется, неслучайно. Она представляет собой попытку подвести комментаторские итоги работы научно-исследовательского семинара «Газетная и журнальная поэзия В. В. Маяковского 1920-х годов», который проводился каждую неделю в октябре 2014 — июне 2015 гг. под руководством О. А. Лекманова и П. Ф. Успенского для первокурсников в рамках бакалаврской программы Школы «Филология» Гуманитарного факультета НИУ ВШЭ.

Каждый из студентов сам выбрал для комментария и разбора одно пореволюционное стихотворение Маяковского. Итоги своих изысканий он оформил в виде доклада, обсуждение которого, как правило, перерастало в коллективный «мозговой штурм» силами всех участников семинара.

Едва ли не основной целью семинара стало дополнение замечательного комментария, помещенного в одном из наиболее удовлетворительно изданных в советское время собраний сочинений академического типа. Мы имеем в виду издание: [Маяковский 1955–1961] ¹.

Те дополнения, которые показали руководителям семинара самыми интересными и убедительными, и составили основной текст нижеследующей статьи. Комментарии к стихотворениям расположены в статье в том же (хронологическом) порядке, что и сами стихотворения в тринадцатитомнике Маяковского.

«МАРУСЯ ОТРАВИЛАСЬ» (1927)

Многие источники этого стихотворения подробно рассмотрены в комментариях к новому собранию сочинений поэта [Маяковский 2013–2014—, 3: 471–473 (комментарий В. Дядичева)]. Тем не менее, к ним можно добавить еще один газетный и еще один фольклорный ключ.

Напомним, что поэтический фельетон Маяковского, опубликованный в «Комсомольской правде» 4 октября, делится на три части. В первой главке рассказывается о несчастной судьбе девушки Маруси, которую бросил возлюбленный — Ваня — из-за того, что у нее не было лакированных туфелек. Второй фрагмент стихотворения дает ответы на вопросы, почему сложилась такая ситуация, описывает, каким образом молодежь становится безнравственной. Третья часть фельетона — это советы автора юному поколению, плавно переходящие в рекламу тверского треста «Москвошвея» (VIII, 188–195).

Монтер Ваня присвоил себе «звание» «электротехник Жан» под влиянием современного западного кино («На улицах, под руководством Гарри Пилей, / расставило сети Совкино, <...> Там ни единого ни Ваньки, ни Пети, / одни Жанны, одни Кэти» (VIII, 1911–192).

В новейшем комментарии аналог выступления против засылки заграничных фильмов, пагубно сказывающихся на нравственности, найден в публикации «Хочу замуж за Гарри Пиля» из подборки «Объявим войну Нат-Пинкертонам в литературе и кино» в «Комсомольской правде» от 15 ноября 1927 г. Однако эта публикация вышла, когда стихотворение уже было написано.

Поведение «электротехника Жана» гораздо ближе случаю жизнестроительства из другой газетной статьи. В подборке «Что такое мещанство» 5 августа 1927 г. в «Комсомольской правде» была опубликована заметка «Гарри-Пиль — покоритель сердец» [Дьячковский 1927: 3]. В ней рассказывалось, как Леня Дергаленко — молодой литейщик с завода «Красная Звезда» — пытался подражать Гарри Пилю после того, как однажды артистки оперы сказали ему, что в профиль он похож на этого знаменитого киноактера. С тех пор Леня стал «посещать кино», ведя при этом распутный образ жизни и рассказывая всем о своих «ночных похождениях». Автора заметки тревожит, что «молодняк тоже начинает мечтать о подобных “подвигах”».

С этого «великосветского любовника» некоторые молодые люди копировали собственное поведение — бравировали любовными победами, потребительски относились к девушкам. Маяковский, скорее всего, учел опыт Лени Дергаленко, создавая образ «электротехника Жана».

Не раз отмечалось, что в заглавии и первой части фельетона «Маруся отравилась» пародируется «жестокий романс», популярный среди фабричных рабочих и городского мещанства. Однако на стихотворение, по-видимому, оказал влияние еще один «жестокий романс» начала XX в. — «Белые туфельки». Он также имеет несколько вариантов, но для нас важен прежде всего его сюжет. Общее среди всех вариантов одно: богатый купец или возлюбленный покупает девушке белые туфельки. Далее происходит расхождение сюжетных линий: в одном из вариантов девушка погибает от того, что выходит в белых туфлях в дождь. В другой версии бессердечные купец и возлюбленный забывают о девушке через месяц, отчего она кончает жизнь самоубийством («Выпить успела чашу до дна») ³. Таким образом, проявляется схожий с романсом Маяковского «Маруся отравилась» сюжет: девушка гибнет (отравляется) от несчастной любви, причем события песни «Белые туфельки» позволяют считать мотивом расставания героев лакированные туфли, упоминаемые в стихотворении несколько раз.

«ТРИ ТЫСЯЧИ И ТРИ СЕСТРЫ» (1928)

Стихотворение «Три тысячи и три сестры», посвященное преображению страны за годы советской власти (захудалые провинции с их столицами стали крупными промышленными центрами), впервые было опубликовано в 18-м номере «Ленинградской правды» от 21 января 1928 г.

Очевидные аллюзии на название чеховской пьесы в заглавии и в самом начале стихотворения несколько заслонили от современных читателей и комментаторов злободневные смыслы текста, хотя эти смыслы отчасти объясняются самой чеховской коллизией: действие начинается после смерти отца, и сестры находятся в растерянности от неопределенности будущего. Думается, что сходное настроение лежит в подтексте стихотворения Маяковского, — 18-й номер «Ленинградской правды» был

посвящен четвертой годовщине смерти В. И. Ленина. Однако в новой советской действительности, по мысли поэта, былая провинциальная растерянность не должна одержать верх — дело Ильича продолжается, и Советский Союз продолжает строиться и развиваться.

Перекликается развитие стихотворения и с рядом статей из этого номера газеты. Так, первая полоса гласит «В победном марше социалистического строительства в СССР, растущей мощи ВКП и Коминтерна, в восстаниях пролетариев и угнетенных народов всего мира растет и крепнет ленинизм». На этой же странице изображен памятник Ленину: он стоит на постаменте во время пламенной речи, со сжатой кепкой в одной руке и второй рукой указывающий вперед. Фоном служат строящееся высотное здание, подъемные краны и рабочие, каждый из которых занимается делом: управляет краном, орудует молотком, несет доски. На первом плане — дымящаяся углевыжигательная печь. Семантика зарисовки перекликается с тематикой стихотворения Маяковского.

Само оно размещено в центре второй страницы номера газеты. Над стихотворением — фотопортрет В. И. Ленина, как указано под ним, — с редкого снимка. Рядом со стихотворением напечатана статья-мемуар «Три встречи с Ильичем», в которой японский коммунист и деятель коммунистического интернационала Сен-Катаяма вспоминает о непродолжительном знакомстве с Лениным. Он восторгается как политической прогрессивностью вождя мирового пролетариата, так и его личными качествами.

Для нас статья интересна восприятием Советского Союза на мировой политической арене как влиятельнейшего государства, сравнимого с США (эти высочайшие достижения СССР Маяковский как раз и прославляет в стихотворении: «вылупливаются, во все Советские Штаты, / новорожденные столицы!»). Пристальное внимание комментатора должен привлечь следующий пассаж статьи Сан-Катаяма: «Москва, которую я видел впервые, еще не оправилась от последствий гражданской войны и голода. Но делегаты Съезда, переполнявшие Большой театр, были полны энтузиазма и надежд, полностью оправдывающихся теперь, как показали подведенные к десятилетию Октября итоги». Так японский коммунист вспоминает свой приезд на IX Съезд Советов в 1921 г.

а когда это ему не удалось, он потребовал, чтобы «Стандарт Ойль» прекратило ее закупку. Общество «Стандарт Ойль» Детердингу отказало, поскольку продавать нефть в Индию из СССР было выгоднее и дешевле, чем из США. Провал плана Детердинга должен был обрадовать Маяковского, поэтому в стихотворении «Три тысячи и три сестры» и описывается Баку, освобожденный от власти «акул».

Теперь обратим внимание на одну деталь дореволюционной Казани, как она изображается Маяковским:

А здесь,
 где афиши
 щипала коза,
— «Исполняют
 такие-то арии»... —
сказанием
 встает Казань...
 (IX, 14)

Упоминание об ариях, афиши которых щиплет коза, почти наверняка метит в уроженца Казани и эмигранта Федора Шаляпина — объекта частых нападок в стихотворениях Маяковского 1920-х гг.

«СОЛНЕЧНЫЙ ФЛАГ» (1928)

Реальный комментарий к этому первомайскому репортажному стихотворению в тринадцатитомнике ограничен одной строкой. Между тем, в том номере «Правды», где оно впервые появилось, содержатся важные текстуальные параллели к отдельным его фрагментам.

Так, строки Маяковского:

шли
 с палачом
 по лачугам Китая
ночь,
 корчь,
 плач.
 (IX, 78) —

перекликаются со следующим фрагментом заметки Н. Фокина «Первомайский Китай»:

Первое мая в Шанхае — дни траура. Пролетариат обезоружен, из его рядов вырвали тысячи самых смелых, самых верных сынов китайской и международной революции. В рабочих кварталах Китая еще не высохли слезы, не прекратился стон вдов и матерей <...> [Фокин 1928]

Строки поэта:

Рдей над Европой!
И тюрьмы-коробки
майским
заревом
мой.
(IX, 77) —

находят себе соответствие сразу в нескольких материалах первомайского номера «Правды»:

По ту сторону границы — <...> тюрьмы для тысяч рабочих, «праздновавших» день 1-го мая <...> [Реммель 1928]

Больше, чем когда-либо, в день мировой солидарности трудящихся Италии волнует судьба тех, которые находятся в темницах <...> [Ивин 1928]

В этом же номере «Правды» помещена карикатура Д. Моора на немецких социал-демократов, сопровождающаяся такой подписью: «Состоя на братской службе у буржуазии, социал-демократы братски арестуют коммунистов до 1 мая, во время 1 мая и после 1 мая». Продолжает тему заголовок в этом же номере «Правды»: «А тем, кого хищный империализм держит в тюрьмах и пытается в застенках Европы, Азии и Америки, шлем мы братский пламенный привет» [Реммель 1928].

Строки Маяковского: «Внимание, ухо и глаз. Слушай антантовских танков и пушек гром, визг, лязг» (IX, 78) и «Сегодня мы, перед тем как драться...» (IX, 77) правомерно сопоставить с фрагментом из уже цитировавшейся статьи С. Реммеля «1-е мая 1928 года»:

Пока еще замаскированная война империалистов против советского государства может в любой момент превратиться в настоящую открытую войну [Реммель 1928].

В этой же статье содержится пассаж про «мощное забастовочное движение, наблюдающееся в последние месяцы во всех капиталистических странах» [Реммель 1928], который должен был напомнить советскому читателю о забастовке берлинских металлистов, широко освещенной в прессе того времени. Заходит речь об этой забастовке и в стихотворении Маяковского:

Пар из котлов!
Заглушайте топки!
Сталь,
 стоп,
 стой!

(IX, 77)

В «правдинской» редакционной статье «Против белого террора (Из первомайского воззвания исполкома МОПР)» говорится о том, что «в своих колониях и полуколониях “демократы” и “цивилизаторы” уничтожают «целые деревни, города и области дотла». Этот пассаж тоже можно сопоставить со строками Маяковского:

В жаре колоний
 гнет оголенное, —
кровью
 плантации мажь.

(IX, 78)

Таким образом, в стихотворении «Солнечный флаг» Маяковский сработал в буквальном смысле как репортер, откликающийся одновременно с журналистами-международниками на самые актуальные события за рубежами Советской России.

«ТЕЛЕВОКСЫ»? ЧТО ТАКОЕ?» (1928)

Выбирая работа-телевокса темой и, одновременно, «главным героем» своего стихотворения, опубликованного в газете «Смена» (от 13 мая 1928 г.), Маяковский вновь отдал дань актуальным

запросам эпохи. В газетах этого времени постоянно обсуждались автоматизация производства, появление машин на заводах; публиковалось множество статей о новых изобретениях и о преимуществах автомата перед человеком.⁵

В несоответствии восхваляющего содержания и насмешливой интонации в стихотворении проявляется противоречивость авторской позиции. С одной стороны, поэт утверждает приход нового быта, вспоминает, что «с детства к этой идее влекся» (IX, 83). С другой, — он называет «телевоксы» мошенниками, предлагает им «дубасить» друг друга, уподобляясь боксерам, и даже объявляет «телевокса» всемогущим, что воспринимается читателем как откровенный сарказм.

Такая амбивалентность позиции поэта объясняется идеологическими установками, предписывающими особое отношение к роботам, тем более, американского производства. Это подтверждается многими статьями и заметками, посвященными расцвету техники и печатавшимися в советских газетах в 1928 г. Приведем фрагмент лишь одной статьи — «Сто лет техники», вышедшей в свердловской газете «На смену!», в которой стихотворение «"Телевоксы?" Что такое?» с довольно значительными сокращениями было перепечатано 25 мая [Маяковский 1928a], всего через несколько дней после публикации в ленинградской «Смене». Тезис «Машина побеждает человека», вынесенный в подзаголовок статьи, разъяснялся следующим образом: «Победное шествие машины все больше вытесняет человеческую силу. Автоматы, высокоорганизованные машины заменяют работу человека»⁶. Особенно любопытно, что автор статьи проводил четкую дифференциацию между отечественными и западными техническими новшествами. Первые расценивались как благо, вторые — как зло:

Развитие техники в руках капиталистов — страшнейшее оружие против пролетариата. Высокоорганизованная машина побеждает человека. Безработица, падение зарплаты, жуткая эксплуатация — это последствия развития техники в капиталистических странах.⁷

Рядом со статьей была помещена заметка от редакции, призванная противопоставить западному положению дел — отношение

к технике в СССР. То есть, поэту в очередной раз удалось очень точно выполнить «социальный заказ»: он не делает образ «телевокса» стопроцентно положительным, на лексическом уровне наполняя текст негативными ассоциациями. Вместе с тем, он убедительно показывает, каким полезным и необходимым может быть «телевокс» для решения многих проблем советского общества.

Возможная деятельность «телевоксов» в стихотворении аккумулирует целый ряд характерных для советского дискурса тем. Так, например, Маяковский предлагает:

Пусть бы
«Телевокс»
таким докладчиком
и про аборт,
и о культурной революции.
(IX, 83)

Связь между этими двумя вопросами на первый взгляд неочевидна. Однако во многих газетах 1928 г. обсуждение проблемы абортов ведется непременно в контексте культурной революции. Объясняется это выступлением тогдашнего председателя ВЦИК СССР М. И. Калинина:

Лозунги культурной революции, — сказал т. Калинин, касаются медицины в самом широком смысле слова. Под культурной революцией подразумевается полное изменение всей нынешней культурной обстановки человека, и, конечно, в первую очередь это должно коснуться здоровья человека. <...> Вот, например, очень существенный вопрос об аборте. В деревне аборт связан со столькими формальностями, что пока крестьянка пройдет их, время для аборта уже прошло. <...> Я считаю, что врачи должны серьезно отнестись к этому вопросу.⁸

Очевидно, что со стороны государства поступило распоряжение уделять больше внимания здоровью населения, так как только здоровый человек может сделать шаг навстречу культурной революции. Маяковский, вводя в текст всего одну строку, поддерживает борьбу за оздоровление советских граждан.

Обратим внимание и на то, что Маяковский помещает своего колоритного персонажа-робота в «нью-йоркский нарпит» («По нью-йоркским нарпитам / орудуют — “Телевоксы”» (IX, 80). Оксюморонное сочетание Нью-Йорка — города, воплощавшего собой все блага цивилизации, и нарпита — является сознательным перенесением реалий советской жизни в американскую действительность, и их нарочитым смешением. Оно проявляется в странной «русскости» блюд: действие происходит в Нью-Йорке, а посетитель заказывает икру, каравай, щи и даже «рюмашку»; расплачиваться он будет вполне себе русским «пятакком» и т. д. Размытость объекта осмеяния позволяет Маяковскому от критических выпадов в сторону Америки, «ругать» которую было необходимо, в первую очередь, по идеологическим причинам, перейти к обличению многих советских «язв», в том числе, и в области народного питания.

Проблемы советских столовых неоднократно рассматривались на страницах периодической печати в 1928 г. В начале года в газете «Правда» даже развернулась дискуссия по поводу устройства подобных заведений, где рабочий мог бы принять пищу и отдохнуть «культурно». Поводом к началу бурного обсуждения послужил фельетон М. Кольцова «Пустите в чайную». Автор предлагал открыть чайные, которые заменили бы рабочему «скучные, устаревшие, покровительственно-примитивные агитки в клубе» и «грязное чистилище в пивной» [Кольцов 1928]. По мнению фельетониста, правильно устроенная чайная может стать одним «из опорных пунктов нашей борьбы за новую, культурную, умытую, свежую жизнь нашего Союза» [Кольцов 1928]. Но прежде чем описать преимущества будущего заведения общественного питания, М. Кольцов во многих подробностях излагает недостатки уже существующих пивных и ресторанов:

Двенадцать раз вас заставит подняться со стула и освободить проход официант — изнуренный человек с землистым лицом, нанизавший на худой грязный палец по стакану. Оцепенелой куклой, во сне, продельывает он свои быстрые движения: хватает на бурую ладонь моченый горох, клочки гнилой воблы, швыряет на блюдечки, сдает буфетчику засаленные марки, откупоривает бутылки, выдает сдачу <...> [Кольцов 1928]

Именно таким и представляется в стихотворении Маяковского типичный официант, которого должен заменить «телевокс»:

Чисто с машиной.

Это не люди!

На ложку

для блеску

плевать не будет. <...>

Лафа с автоматом:

ни — толкнет,

ни — обложит матом.

(IX, 81–82)

Мат, наряду с толкающимся официантом, также был включен Кольцовым в перечень отличительных черт советских пунктов питания: «Молодой, красивый парень с задумчивыми голубыми глазами <...> смотрит на плакат: “Просят не выражаться” и поливает его отборной, ядерной матерной бранью» [Кольцов 1928]. Обрисовав узнаваемый облик советской пивной, М. Кольцов переходит к сатирическому изображению ресторана, где его внимание тоже останавливается на официанте:

К вам подойдет член союза работников нарпит во фраке, обменяется с вами враждебными взглядами и вынет из-за обшлага карту кушаний. <...> Тогда, переглянувшись с приятелем, вы с видом до отвалу сытого человека закажете на двоих один омлет и один стакан кофе. Увидев холодное презрение в глазах официанта, вы непродуманно добавите к заказу бутылку пива [Кольцов 1928].

Несмотря на внешний лоск и подчеркнутую чистоплотность официанта, который, к тому же, является членом союза работников нарпит, он враждебен рабочему — самому важному, по мнению фельетониста, посетителю. Строки Маяковского о «телевоксе» — аккуратном и «безличном» официанте — звучат как деловое предложение, выдвинутое при обсуждении проблемы неудовлетворительного обслуживания в пунктах питания: на помощь людям должна прийти машина. А если учесть, что

образцом для новых «чайных» должны были послужить подобные заведения, уже существовавшие в Америке и Европе, то становится понятным странное на первый взгляд перемещение нарпита в Нью-Йорк.

Язык «телевокса» — «эсперанта», как саркастически называет его Маяковский. Причины стилистического снижения этого слова носили политический, а не художественный характер. Дело в том, что в СССР в 1920-е гг. изучение эсперанто было очень популярным. С подачи Л. Д. Троцкого, эсперанто получило статус «языка мировой революции». Более того, им активно пользовались рабкоры, на эсперанто велось радиовещание. В газете «Американские известия» за 1924 г. была помещена статья, поддерживающая распространение эсперанто в Советской России и во всем мире. В статье подчеркивалась простота изучения эсперанто:

Благозвучность и легкость произношения и заучивания эсперантских слов, простота грамматики (16 правил без исключений) и гениально составленный словарь из международных корней — все это вместе ставит эсперанто на высоту своего назначения быть международным языком рабочих и крестьян. Желаящему изучить эсперанто достаточно пожертвовать 3–4 месяца по 1 часу в день <...> ⁹.

Именно легкость овладения языком эсперанто была обыграна Маяковским в строках:

Зря
ученьем
себя не тираньте.
Очень просто
изъясняться
на их эсперанте.
(IX, 81)

Поэт, чутко отзывавшийся на всё новое и актуальное в советском обществе, не мог пройти мимо этого явления. Иронически-уничижительный оттенок слова «эсперанта» может косвенно свидетельствовать об изменении политической ситуации к концу

1920-х гг. Открыто приветствовать идею изучения эсперанто, предложенную Л. Д. Троцким, было уже нельзя. Политическая борьба за власть между И. В. Сталиным и Троцким завершилась полным поражением последнего: в начале 1928 г. он был сослан в Алма-Ату.

Используют «телевоксы» у Маяковского и нотный язык:

«До
ре
ми» —
это значит —
— «Посудой греми!
Икру!
Каравай!
Крой, накрывай» <...>
«Си — до» —
это значит —
до
свиданья.

(IX, 81–82)

У этого «нотного языка» — футуристические корни. Маяковскому, конечно, была знакома статья Велимира Хлебникова «Радио будущего», написанная в 1921 г., но опубликованная лишь в 1927-м. В этой статье Хлебников создает образ «железного самогласа» — Радио, которое будет не только сообщать новости и прогноз погоды, но и станет «духовным солнцем страны, великим чародеем и чарователем», будет способно передавать не только звуковые волны, но также зрительные, вкусовые ощущения и запахи, станет всемогущим учителем и врачом человечества. В видении Хлебникова, лечить «железный самоглас» будет с помощью нот:

Известно, что некоторые звуки, как «ля» и «си», поднимают мышечную способность, иногда в шестьдесят четыре раза, сгущая ее на некоторый промежуток времени. В дни обострения труда, летней страды, постройки больших зданий эти звуки будут рассылаться Радио по всей стране, на много раз подымая ее силу [Хлебников 1986: 639].

Язык нот в стихотворении Маяковского «"Телевоксы?" Что такое?» фактически производит то же действие: заставляет работать робота.

*«СЛЕГКА НАХАЛЬНЫЕ СТИХИ ТОВАРИЩАМ
ИЗ ЭМКАХИ» (1928)*

В этом репортажном стихотворении, впервые напечатанном в номере «Вечерней Москвы» от 2 июля 1928 г., Маяковский откликается на множество злободневных заметок, опубликованных в той же газете в мае — июне.

В частности, актуальный подтекст строк «А там, / где мороженое / морит желудки...» (IX, 146) отыскивается в майском номере «Вечерней Москвы»:

Вчера вечером в Институте Склифосовского наблюдалось необычное явление. В 6 часов вечера в институт начали привозить больных, отравившихся мороженым, и скоро у дежурных врачей образовалась целая очередь. Все отравившиеся в один голос утверждали, что они ели мороженое в столовой «Коммунар», помещающейся в здании бывшей гостиницы «Континенталь». У всех отравившихся наблюдалась сильна рвота, слабый пульс и т. д. Дежурный врач ИС доктор Лазарев сообщил, что во всех случаях наблюдались симптомы так называемого свинцового отравления.¹⁰

Тема была продолжена в номере, вышедшем неделю спустя:

В мороженом обнаружили бациллы паратифа. Это был не свинец, а паратиф — как заявили «Вечерке» в Минздраве. Возможно, дело в том, что производители мороженого берут снег для производства на снежных свалках Москвы. Минздрав обратился в МКХ с указанием на необходимость срочной ликвидации снежных свалок.¹¹

Упоминание об МКХ (Московское коммунальное хозяйство — название отдела Моссовета, ведавшего городским хозяйством столицы) во второй заметке ясно объясняет, почему поэт взял ее текст на вооружение. «Вместо того чтобы устанавливать в Москве памятники и бюсты писателям, лучше озаботьтесь санитарным состоянием города!» — вот что Маяковский хочет «слегка нахально» заявить московским властям.

**«РАБОТНИКАМ СТИХА И ПРОЗЫ, НА ЛЕТО
ЕДУЩИМ В КОЛХОЗЫ» (1928)**

В «Комсомольской правде» от 3 июля 1928 г. целая страница была посвящена поездке писателей в колхозы, которую организовывала газета, и там же появилось стихотворение Маяковского. Из газетного списка в 16 писателей, в стихотворении Маяковский упоминает только шестерых. Обращение к ним в тексте подчиняется жесткой логике. Поэт начинает с самых идеологически далеких ему литераторов и заканчивает ближайшими: Замятин — писатель «внепутнического ранга», настроенный против революции; Пильняк — попутчик, желающий доказать свою преданность рабочему классу; Гладков, Никулин, Доронин — пролетарские прозаики и поэт; Третьяков, теоретик Лефа, из всех самый «правильный».

Ироничные претензии к писателям строятся у Маяковского на обыгрывании их произведений или черт личности. Замятин и Пильняк, идущие в стихотворении парой, на коннотативном уровне предстают законченными англоманами, не очень понимающими современную советскую Россию. В обращении к Замятину строки — «Но просим помнить, славя Русь, / Что Русь — уж десять лет! — советская» (IX, 148) — вероятно, обыгрывают рассказ писателя «Русь», представляющий собой вступительное слово к иллюстрированному альбому «Русь. Русские типы Б. М. Кустодиева» (1923) [Замятин 1989: 403–411]. Хотя события замятинского текста относятся к началу XX в., поэтика рассказа фокусируется на чертах древней, допетровской Руси и насыщена архаичной и фольклорной лексикой. Прославление «старой» «Руси» в 1923 г. и вызвало резкую критику Маяковского.

Интересно, что у автора стихотворения «Работникам стиха и прозы...» — больше чем за год до печально известного «дела Пильняка и Замятина» — эти писатели сливаются почти до неразличения. В стихотворении они — полубуржуазные прозаики, не имеющие представления о жизни крестьян (хотя Пильняк вырос в провинции), так что Маяковский призывает их изображать крестьян в соответствии с действительностью — по сути, отбросить выдумки и следовать теории «литературы факта». Надо заметить, что, сравнивая двух писателей, поэт не был оригинален. В справке о Пильняке, напечатанной

«Комсомольской правдой», говорится: «Ценно в Пильняке то, что он в противовес Замятину хочет стать ровень, в плечо с классом победившим»¹².

Строки Маяковского о следующем, появляющемся в стихотворении писателе, Ф. Гладкове, сопряжены с интересным для комментария сюжетом. Поэт утверждает: «Прочешь, / что написал пока он, / так все колхозцы / пьют какао» (IX, 149). Вслед за комментариями В. Дувакина (IX, 561) принято считать, что здесь имеется в виду очерк Гладкова «Оазис будущего», в котором говорилось о том, что колхозники в коммуне могут за 10 копеек получить в столовой обед с какао на третье («Известия». 1928. №72, №73). Примечательно, однако, что в очерке «Оазис будущего» какао не упоминается (хотя действительно Гладков говорит, что менее, чем за 10 копеек, в столовой можно получить обед из трех блюд). «Какао» в стихотворении Маяковского перекочевало из очерка С. Баранова, критиковавшего Гладкова:

Живут, по описанию Гладкова, коммунары превосходно. Чего уж лучше? Обед из трех блюд вплоть до стакана какао стоит не более (а значит и менее) десяти копеек. Что и говорить — завидная жизнь. Каждый городской рабочий позавидует. А уж деревенская беднота и вовсе. Ей не до какао, хоть бы хлеба хватало на каждый день [Баранов 1928].

Обращаясь в стихотворении к Сергею Третьякову [«Нутром к земле! / Прижмитесь к бурой!» (IX, 150)] Маяковский обыгрывает заглавие его нашумевшей статьи «Ухом к земле (Москва теперь)» (1920).

«О ТОМ, КАК НЕКИЕ СЕКТАНЦЫ ЗОВУТ РАБОЧЕГО НА ТАНЦЫ» (1928)

Впервые это стихотворение было опубликовано в «Рабочей газете» 17 июля 1928 г. На одном развороте с ним была помещена статья антирелигиозной направленности «Классовый враг в Черкизове. “Царство антихриста”. 10 лет в заточении», рассказывающая о детском трудовом рабстве в секте скопцов.

Волна антирелигиозной пропаганды в очередной раз захлестнула советскую печать весной 1928 г., причем пик ее

пришелся на апрельские предпасхальные дни. Религиозные организации (католические, православные, раскольничьи, старообрядческие, евангелистские, баптистские и др.) и отдельные религиозные деятели обвинялись в антисоветской пропаганде, «вербовке» советских людей, сотрудничестве с белогвардейцами, шпионаже в пользу других государств ¹³, развращении молодежи ¹⁴. Наибольшую опасность, согласно газетным материалам, скрывала религиозная пропаганда, разворачиваемая среди молодежи на заводах ¹⁵. Чаще всего о такой пропаганде упоминали в связи с баптистами. Газетчики уверяли, что они умело организуют отдых молодежи, устраивая театры, танцевальные вечера, спортивные мероприятия ¹⁶.

Баптисты из стихотворения Маяковского почти не отличаются от своих газетных собратьев, разве что они менее порочны, поскольку ограничиваются пропагандой мещанского образа жизни и буржуазных развлечений:

К себе
сектанты
на чарльстон
зовут
рабочего
ломаться.
Работница,
манто накинь
на туалеты
из батиста!
Чуть-чуть не в общество княгини
ты
попадаешь
у баптистов.
Фокстротом
сердце веселя,
ходи себе
лисой и пумой,
плети
ногами
вензеля...

(IX, 193-194)

Сходство между «газетным» и стихотворными образами баптиста еще усиливается после раскрытия в последней строке фельетона Маяковского источников финансирования «сектанцев». В печати в этом обвиняли США ¹⁷, а в финале фельетона читаем:

Открыть нетрудно
Баптистский ларчик —
американский
в ларце
долларчик.
(IX, 193–194)

Обратим внимание и на изящный семантический каламбур Маяковского. Этимология слова «фокстрот» восходит к английскому fox trot, что значит ‘лисья походка’. У слова trot есть и другое значение — ‘рысца’, ‘рысь’. В строках «Фокстротом сердце веселя, / Ходи себе лисой и пумой» поэт разворачивает двойное значение, заложенное в этом слове с помощью шарадобразной метафоры. «Лисья походка» прямо реализована через «ходи лисой». Вероятно, появление пумы тоже не случайно, а возникло в результате омонимичности пумы русской рыси.

«ГАЛОПЩИК ПО ПИСАТЕЛЯМ» (1928)

Стихотворение Маяковского «Галопщик по писателям» [Маяковский 19286], как известно, является ответом на статью журналиста и литературного критика Д. Тальникова «Литературные заметки» [1928]. Тальников раскритиковал заграничные стихи и очерки советского поэта. В статье он перечисляет ряд известных в литературном кругу писателей, которые, как и Маяковский, совершали поездки по Европе и Америке (в частности, это В. Инбер и Е. Зозуля); их критик называет «мальчиками без штанов» — по прозвищу одного из героев пьесы «Мальчик в штанах и без штанов» М. Е. Салтыкова-Щедрина [1972: 33–41]. Этот герой олицетворяет обычного невежественного русского мужика, вылезшего из лужи и разговаривающего с «мальчиком в штанах» — представителем европейской просвещенности. Тальников применяет это выражение, чтобы изобразить слепое

поклонение русских путешественников перед западными ценностями и европейской культурой, благоговение перед «светом, шедшим с Запада, обетованной страны культуры и цивилизации» [Тальников 1928: 259].

Однако апеллирующая к знанию русской литературы насмешка Тальникова оборачивается против него самого. Обращение Маяковского к критику:

Вы молоды, верно,
сужу по мазкам,
такой резвун-шалунишка.
Уроки сдаете
приятным баском
и любите
с бонной,
на радость мозгам,
гулять
в коротких штанишках.

(IX, 291) —

недвусмысленно превращает Тальникова (который был старше поэта на 11 лет!) в одного из мальчиков из произведения Салтыкова-Щедрина. Напомним, что диалог между «мальчиком в штанах» и «мальчиком без штанов» у писателя XIX в. содержит и революционный смысл: «мальчик в штанах», представляющий собой образец буржуазного европейского человека, противопоставляется «мальчику без штанов» — революционеру, борющемуся за права рабочих. Возвращая Тальникову его аллюзию, Маяковский ассоциирует себя с первым мальчиком, а критика — со вторым, что становится весомым обвинением в стране, где произошла революция.

«ПТИЧКА БОЖИЯ» (1929)

В этом стихотворении изображается визит некоторого, не называемого по фамилии поэта, к Маяковскому. Поэт начинает читать автору «Облака в штанах» свои стихи, но Маяковский прерывает его грозной отповедью, направленной против «лирики»

и призывающей писать «марши» и «лозунги». Фабула «Птички божией» может быть идеально пересказана с помощью реплики из выступления Маяковского в Доме комсомола Красной Прессы на вечере, посвященном двадцатилетию его деятельности:

Я очень люблю, когда поэт, закрыв глаза на все, что кругом творится, сладенько изливается, и вдруг взять его и носом как щенка ткнуть. Это просто поэтический прием (XII, 431).

Как представляется, портрет поэта из «Птички божией» — это не замаскированное изображение какого-то конкретного стихотворца, а собирательная карикатура сразу на нескольких идеологически чуждых Маяковскому конца 1920-х гг. авторов. В его облике угадываются черты Игоря Северянина [ср. Петровых 1978], Велимира Хлебникова, Сергея Есенина, Бориса Пастернака и комсомольских поэтов (в первую очередь, Александра Жарова, Иосифа Уткина и Николая Дементьева).

Не обошлось в «Птичке божией» и без намеков на едва ли не самых принципиальных оппонентов Маяковского этого времени — конструктивистов. 8 февраля 1930 г. он зловеще пообещал на конференции МАПП:

Я думаю, что в дальнейшем, когда мне придется разговаривать по этому вопросу и проанализировать все способы воздействия конструктивистов на массы, я покажу, что это самое вредное из всех течений в применении к учебе, какое можно себе представить (XII, 409)

Поэтому неудивительно, что строки «Птички божией»: «Тинтид-ликал // мандолиной» (X, 112) метят в лидера конструктивистов Илью Сельвинского¹⁸. А издевательское и слегка загадочное обращение Маяковского к «поэту»:

Посмотрю
с лица ли,
сзади ль,
вы тюльпан,
а не писатель.
(X, 113), —

скорее всего, отсылает к строкам из стихотворения еще одного конструктивиста, Николая Ушакова, с «птичьим» заглавием «Мой соловей» (1927). Экспозиция этого стихотворения напоминает вирши гостя из «Птички»: «Все депо раскрывается в степь. // И в луне и в тюльпанах долины...» Сравним у Маяковского: «Что луна, мол, над долиной» (X, 112). А завершается стихотворение Ушакова таким постулатом: «Есть программа на полную жизнь, // и важней она / многих заданий: // соловьиного соло держись // и степного тюльпана в стакане».

Напомним, что в своих мемуарах Ушаков следующим образом описал свою встречу с Маяковским:

Москва, рабочая комната Маяковского в Лубянском проезде, недалеко от Политехнического музея. Здесь редакция журнала «Новый Лэф». Огромный, как для слона, диван. Письменный стол великана, свободный от вещей и тем более от вещей. Маяковский — редактор журнала — по одну сторону, по другую — я, принеший стихи [Ушаков 1983: 359].

«РАССКАЗ ХРЕНОВА О КУЗНЕЦКСТРОЕ И О ЛЮДЯХ КУЗНЕЦКА» (1929)

Это героическое стихотворение, тем не менее, было впервые напечатано Маяковским в сатирическом журнале «Чудак». Почему? Как стихотворение встраивается в контекст 46-го номера журнала за 1929 год?

Других «серьезных» материалов мы в этом номере не найдем, не говоря уже о статье, заметке или стихотворении, которые могли бы приблизиться к «Рассказу Хренова...» по уровню драматизма. Однако все же в 46 номере обнаруживается карикатура «Их поправочка», вступающая со стихотворением Маяковского в своеобразный диалог, тем более что «Рассказ Хренова...» был помещен на первом развороте журнала, а непосредственно перед ним, на обложке, располагалась карикатура.

Она высмеивала так называемых «правых оппортунистов», то есть — тех, кто якобы сомневался в возможности ускоренного выполнения первой пятилетки. Генеральную линию партии, резко взмывающую вверх от 1928 г. к 1932 г., «враги» «опустили» до ровной, горизонтальной линии: «Да разве мы

против генеральной линии? Мы только хотим ее немножечко выровнять». Такие «поправочки» расценивались как главная угроза только что родившемуся смелому плану «Пятилетку — в четыре года!», поэтому «ответ», «антитезис» должен был быть максимально «громким» и сокрушительно убедительным. По-видимому, этим «ответом» и призван был стать «Рассказ Хренова...», что и оправдывало его публикацию в сатирическом журнале. Это роль даже не просто «газетного» стихотворения, весомой реплики в публицистической полемике, а газетной передовицы — ей должен был стать, конечно, «победитель» в разыгранном «споре». Таким образом, стихотворение Маяковского оказалось буквально вписанным в публицистический контекст эпохи.

Примечания

¹ Далее это издание цитируется в статье с указанием номера тома и страницы в круглых скобках в основном тексте статьи. Учитывались нами и комментарии в первых трех томах нового собрания сочинений Маяковского, подготовленных в ИМЛИ: [Маяковский 2013–2014–]. Первостепенно важное значение для всех нас имели также исследования: [Веревкин 1986]; [Гаспаров, Подгаецкая 1997]; [Жолковский 2005]; [Катанян 1985]; [Перцов 1972]; [БУ 2008]; [Сморodin 1972]; [Тренин, Харджиев 1970]; [Янгфельдт 2009].

² См. также в коллективной заметке, где иронически рассказывалось о том, как «Пушкин слез с цоколя на Твербуле и придя в редакцию ЛЕФА долго плакал чужими слезами» [Коллектив 1923: 35].

³ Приведем один из вариантов романа: «На улице дождь и слякоть бульварная, / Ветер пронзительный душу гнетет. / В беляньих туфельках девочка бедная, / Словно шальная, по лужам бредет. // Белые туфельки были ей куплены / Прихоти ради богатым купцом. / В них она вечером стройными ножками / В вальсе кружились по залу кольцом. // Ты полюбила его, бессердечного. / Он же вовек никого не любил. / Ты отдалась так по-детски доверчиво, / Он через месяц тебя позабыл. // Ночью на улице сыро и холодно. / Выпить успела ты чашу до дна. / Вызвали доктора, тихо он вымолвил: / “К жизни вернуться не сможет она”. // И вот ты лежишь, и чужая, и бледная, / Даже лекарства не примешь сейчас. // Белые туфельки. Платице белое. / Личико бедное, словно атлас. // Радуйся, девочка, радуйся, милая, / Радуйся смерти, что рано пришла. / Жизнь твою отняла слякоть бульварная. / Вся твоя жизнь в белых туфлях прошла» [Баранова 2007, цит. по: <http://a-pesni>].

org/dvor/beltuf.php]; см. также вариант, зафиксированный близко ко времени создания фельетона Маяковского: [Песенки Пьеро 1930: 12].

⁴ *Ленинградская правда*, 1926, 17 января, 1, без подписи.

⁵ См., например: 'Машина заменила человека', *Комсомольская правда*, 1928, 12 апреля, 7, без подписи; [Стандарский 1928]; 'Наука и техника', *Комсомольская правда*, 1928, 28 марта, 9, без подписи.

⁶ 'Сто лет техники', *На смену!*, 1928, 19 апреля, 6, без подписи.

⁷ Там же.

⁸ 'Культурная революция в деле народного здравоохранения', *Известия*, 1928, 20 мая, 3, без подписи.

⁹ 'Международный язык эсперанто', *Американские известия*, 1924, № 185, 3 декабря, 6, без подписи.

¹⁰ 'Массовое отравление мороженым', *Вечерняя Москва*, 1928, 21 мая, 2, без подписи.

¹¹ 'Почему отравились 113 человек', *Вечерняя Москва*, 1928, 29 мая, 2, без подписи.

¹² *Комсомольская правда*, 1928, 3 июля, 3, без подписи.

¹³ См., например: «Все религиозные организации по-божески, честно и добросовестно выполняют свой долг перед господом богом, английским королем и банкирами всех стран... Совершенно ясно, что попы и сектанты ведут ту же работу по организации единого фронта против Советского Союза по подготовке новой войны, только другими методами и приемами» ('Друзья классового мира', *Труд*, 1928, № 82, 1, без подписи).

¹⁴ См., например: [Путиловский 1928]; 'Псаломщик и черносо-тенка — воспитатели 240 детей. Детский дом они превратили в дом разврата', *Комсомольская правда*, 1928, № 136, 1, без подписи.

¹⁵ 'Сектанты отвоевывают молодежь', *Труд*, 1928, № 82, 2, без подписи.

¹⁶ См., например: «Сектанты и автокефальная церковь на Украине ставят пьесы, привлекают к своим постановкам молодежь. Это самый опасный вид искусства, против которого надо энергично бороться» ('Новые люди требуют новых песен', *Комсомольская правда*, 1928, № 148, 2, без подписи).

¹⁷ См.: «Пропаганда у баптистов поставлена хорошо. В области массовой работы они многое заимствуют у нас. Но вдобавок к этому в своих моленных домах они создают уют и чистоту, привлекающие массу <...> Средства у баптистов есть, они получают поддержку из заграницы, главным образом из Америки» ('Родина сектантства', *Труд*, 1928, 7 июня, 2, без подписи).

¹⁸ Ср. со следующими строками из поэмы Маяковского «Во весь голос» (1930): «Нет на прорву карантина — // мандолинят из-под стен: / “Тара-тина, тара-тина, / т-эн-н...”» (X, 280), которые, как давно замечено, восходят к строке из стихотворения Сельвинского «Цыганский вальс на гитаре»: «И Идоносятся толико стон’ы гиттаоры: таратинна-таратинна-тап...».

Библиография

Баранова, М.: 2007, *Антология студенческих, школьных и дворовых песен*, Составитель М. Баранова, Москва.

Баранов, С.: 1928, ‘Не только поверить, но и проверить’, *Комсомольская правда*, 6 мая, 3.

БУ 2008 — *Русские писатели. Поэты. Советский период. Библиографический указатель*, С.-Петербург, 2008, т. 14, ч. 2, вып. 3: Литература о жизни и творчестве В. В. Маяковского (1961–1980).

Веревкин, Б. П.: 1986, *Маяковский в газете*, Москва.

Гаспаров, М. Л., И. Ю. Подгаецкая: 1997, ‘«Грядущей жизни годовщины»: композиция и топика праздничных стихов Маяковского’, М. Л. Гаспаров, *Избранные труды: В 3 т.*, Москва, т. 2.

Дьячковский: 1927, ‘Тарри-Пиль — покоритель сердец’, *Комсомольская правда*, 5 августа, 3.

Жолковский, А. К.: 2005, ‘Поэтика произвола и произвольность поэтики («Дачный случай» Маяковского)’, А. К. Жолковский, *Избранные статьи о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты*, Москва.

Замятин, Е.: 1989, *Избранные произведения: Повести, рассказы, сказки, роман, пьесы*, Составитель А. Ю. Галушкин, Москва, 403–411.

Ивин, А.: 1928, ‘1-е мая в Италии’, *Правда*, 1 мая, 1.

Катанян, В. А.: 1985, *Маяковский: Хроника жизни и деятельности*, Москва.

Коллектив: 1923, ‘Полемика’, *Лев*, № 3, 35.

Кольцов, М.: 1928, ‘Пустите в чайную’, *Правда*, 1 января, 5.

Маяковский, В. В.: 1928а, ‘«Телевоксы»? Что такое?’, *На смену!*, 25 мая, 1.

Маяковский, В. В.: 1928б, *Галопщик по писателям, Читатель и писатель*, 1928, № 36, 2.

Маяковский, В. В.: 1955–1961, *Полное собрание сочинений: В 13 т.*, Москва.

Маяковский, В. В.: 2013–2014—, *Полное собрание произведений: В 20 т.*, Москва, т. 1–3.

Перцов, В. О.: 1972, *Маяковский: Жизнь и творчество: В 3 т.*, Москва, т. 3: 192 —1930.

Песенки Пьеро 1930 — Песенки Пьеро: новейший репертуар, [Б.м.], 1930.

Петросов, К. Г.: 1978, *Слово — полководец человечей силы*, Москва.

Путиловский, М.: 1928, 'Гнездо черных воронов', *Комсомольская правда*, № 96, 1.

Реммель, С.: 1928, '1-е мая 1928 года', *Правда*, 1 мая, 1.

Салтыков-Щедрин, М. Е.: 1972, 'Мальчик в штанах и без штанов', М. Е. Салтыков-Щедрин, *Собрание сочинений: В 20 т.*, Москва, т. 14.

Сморodin, А. А.: 1972, *Поэзия В. В. Маяковского и публицистика 20-х годов*, Ленинград.

Стандарский, М.: 1928, 'Печальная повесть изобретателя: 70 похвальных актов... и 15 постановлений', *Комсомольская правда*, 6 апреля, 4.

Тальников, Д.: 1928, 'Литературные заметки', *Красная новь*, № 8, 259.

Тренин, В. В., Н. И. Харджиев: 1970, *Поэтическая культура Маяковского*, Москва.

Третьяков, С.: 1923, 'Откуда и куда? (Перспективы футуризма)', *Леф*, № 1, 196.

Ушаков, Н. Н.: 1983, *Мастерская: о поэзии и поэтах*, Москва.

Фокин, Н.: 1928, 'Первомайский Китай', *Правда*, 1928, 1 мая, 1.

Хлебников, В. В.: 1986, 'Радио будущего', В. В. Хлебников, *Творения*, Москва.

Шаламов, В. Т.: 2003, *Воспоминания*, Москва.

Янгфельдт, Б.: 2009, *Ставка — жизнь. Владимир Маяковский и его круг*, Москва.